

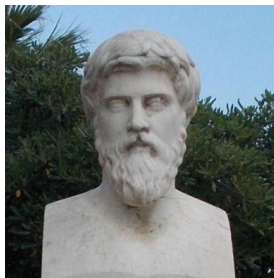
ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Биография и интеллектуальная
история

В последней лекции мы обратимся не к новой субдисциплине исторического знания, каковой является история гендера, а к устоявшимся жанрам историописания – к жанру биографии и жанру «интеллектуальной истории». Оба этих жанра переживали моменты расцвета и время частичной маргинализации. В этой лекции мы задаемся задачей показать, как старые, традиционные жанры адаптируются под новые интеллектуальные реалии.

Биография как жанр известна еще со времен Плутарха. Ее положение безусловно менялось. Если в Средние века биография не выходила за рамки жития святых, то в новое время жанр биографии получил широкое распространение в рамках политической истории в качестве жизнеописания «великих личностей». Такого рода работы служили не только дидактическим целям, но начиная с XIX века были призваны пролить свет на общественный контекст деятельности героев повествования.

Критика звучала весьма часто в адрес биографии, но при этом жанр пользовался и пользуется неизменной популярностью.

Историкам-профессионалам биография дает возможность для самовыражения; читающая публика не только удовлетворяет свое любопытство, но и усматривает в биографиях источник самопознания.

Профессиональный историк-биограф ставит перед собой задачу познания героя в контексте эпохи. В написании биографии на первый план выступает принципиальное диалектическое взаимодействие между героем биографии и самим биографом.

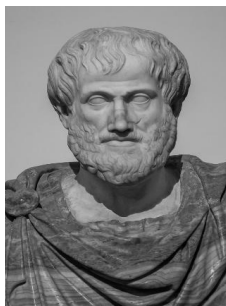
Принципиальным вопросом биографии заключается в выборе самого героя. Какими критериями руководствуется автор? Интересует ли его сама личность или ее роль в определенных исторических событиях?

Здесь следует подчеркнуть связь биографии с микроисторией. Появившаяся в результате взаимодействия «новая биографическая история» ребром ставит вопросы самоидентификации личности, личного интереса, выбора и инициативы, той роли, что культурные традиции и представления играют в определении поведения людей в специфических исторических обстоятельствах.

Историко-биографические работы наполняются новым содержанием. Так называемая «персональная история» ставит перед собой цель исследования одной жизни во всей уникальности и полноте. Историки работают со всеми сохранившимися персональными текстами, любыми «следами» деятельности людей, их внутреннего мира.

Индивид находится в фокусе биографических исследований и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны всевозможных формальных и неформальных институций. В центр внимания попадает нестандартное поведение, выходящее за пределы традиционных норм.

Биография, обогащенная принципами микроистории, может быть очень продуктивной. Преимущество персонального подхода заключается в том, что он работает в режиме, максимально приспособленном для практического решения сложных теоретических задач. Постоянно возникающая необходимость ответить на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида вынуждают историка выйти из области микроанализа в область макроистории.

«Интеллектуальная история» является другим устоявшимся жанром, показавшим высокую степень адаптируемости к новым условиям. Как и с биографией, его корни можно усмотреть в сочинениях древних греков, в «Метафизике» Аристотеля. Свою лепту в формирование жанра внес и Гегель, считавший, что история есть история идеи.

В XX веке на развитие интеллектуальной истории, известной как «история идей», сильное влияние оказал американский историк Артур Лавджой со своей концепцией «идей-блоков». Он считал, что смысл интеллектуальной истории заключается в вычленении фундаментальных, базовых идей из текстов с целью написаний и «биографий».

Лавджой заявлял, что история идей, биография «атомов мысли» не ограничивается исследованиями философских учений или оригинальных суждений глубоких мыслителей. Важным для ученого является и коллективная мысль больших групп людей. Сам Лавджой, как и его последователи, не придерживались этого правила.

Большая часть работ была посвящена великим идеям, каноническим текстам, выдающимся мыслителям. Может поэтому в 60-х и 70-х годах интеллектуальная история оказалась на обочине историографии. Ее критиковали за элитарность, сосредоточенность на теориях, игнорирование социального контекста, отсутствие внимания к народной культуре.

Французская история ментальностей и социальная история реанимировали проект интеллектуальной истории, только теперь, под идеями подразумевались все идеи – от популярных до эрудитских, что циркулировали в определенный период и в определенном обществе.

Интеллектуальная история сейчас – это междисциплинарная область. Она ориентирована на изучение не только философских систем или научных парадигм. Предмет исследования подвергается переосмыслению, как подвергаются переосмыслению методологические принципы, попадающие под все больший контроль вышедшей из постмодернистского вызова «новой культурной истории».

Интеллектуальная история осознает неразрывную связь между идеями, условиями и формами интеллектуальной деятельности. Изучается среда обитания идей – религиозные, культурные, политические контексты. Это приводит ко все большему взаимодействию между культурной и интеллектуальной историями, что позволяет нам говорить о появлении проекта «культурно-интеллектуальной истории». Его основная задача заключается в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественнонаучного знания в их социокультурном контексте.

Сегодня в интеллектуальной истории нет презентистской позиции, в которой идеи, превалирующие сейчас ищут свои корни в прошлом. Избегают ученые и искушения спроецировать структуры современного интеллектуального пространства, поделенного на литературу, историю, философию, науки, на прошлое. Вместо этого больше внимание уделяется тем аспектам интеллектуальной жизни прошлого, что не нашли институционального оформления. Интеллектуальная история становится проблемно-ориентированной; она фокусируется не на доктринах и теориях, а на стоящих перед учеными прошлого проблемах.

Изменения касаются всех областей интеллектуальной истории. Так, в истории политической мысли изучаются не только «вершины», весь ландшафт того или иного периода. Историки задаются вопросом, какие из идей воспринимаются и удерживаются массовым сознанием, как они распространяются, какую функцию они играют в политическом «языке» времени. В истории религии внимание уделяется не столько официальной доктрине или альтернативным ей еретическим учениям, а именно религиозному сознанию, разделяемому духовенством и мирянами.

Неотъемлемой частью интеллектуальной истории является история знания. Она отказывается интерпретировать прошлое с точки зрения современной научной ортодоксии.

Интеллектуальная история сегодня стремится к тому, чтобы выявить исторические изменения фундаментальных принципов, категорий, методов и содержания познания, изучить процессы становления и развития научной картины мира, стиля мышления, средств и форм научного исследования в контексте духовной культуры, социальных и идеологических условий конкретной эпохи.

На этом мы заканчиваем повествования об основных и перспективных направлениях в истории на рубеже XX и XXI веков.

Завершая этот курс, мне бы хотелось процитировать авторов книги.

«Переживаемая сегодня историографическая революция, являющаяся составной частью общего процесса в интеллектуальной сфере, не первая и, очевидно, не последняя трансформация в истории исторической науки. В такие моменты усиливается потребность не только разобраться в текущей ситуации и открывающихся горизонтах, но также оглянуться и оценить пройденное. Впрочем, первое без второго попросту невозможно.

Во всяком обществе и при любом политическом устройстве глубокая и тесная зависимость историков с

современной эпохой и ее перипетиями, их укорененность в окружающей действительности проявляются в полной мере. Под воздействием внешних импульсов и в результате осмысления событий, сложных проблем и нередко тяжелых уроков бурного новейшего времени им неизбежно приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные поколениями историков, менять перспективу своего видения прошлого, искать новые пути его познания.

Вот почему так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и смену научных концепций, подходов, интерпретаций в контексте личных судеб и общественных процессов сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия как социально-политических и идеологических коллизий, так и интеллектуальных вызовов эпохи. В связи с этим встает вечный и актуальный вопрос о соотношении в историографии научной объективности и идеологических пристрастий, с которым неразрывно связана проблема оценочных критериев в истории исторической мысли и исторического знания.

Разобраться в том, где все же кончается суверенитет науки и начинается диктат политики и идеологии, непростая задача. Сегодня все чаще можно услышать голоса наиболее последовательных оппонентов научной, или объективной, истории. Эти критики утверждают, что историки претендуют на то, чтобы заниматься описанием прошлого, в то время как в действительности всегда пишут только историю своего времени или автобиографию.

И это в известной степени верно, поскольку те новые вопросы, которые каждое поколение историков ставит перед прошлым, неизбежно отражают интересы и тревоги этого поколения. Вместе с тем оптимисты, отнюдь не опровергая скептиков, не видят непреодолимого препятствия для исторического познания в такой зависимости исследователя от своей ситуации, от своего общества и культуры, но лишь до тех пор, пока ответы на эти новые вопросы он ищет именно в прошлом, а не извлекает из настоящего.

Конечно, абсолютная объективность недостижима: в историографии всегда отражаются та или иная политическая ориентация, социальная позиция, иерархия ценностей. Однако существуют корпоративный «кодекс чести», профессиональные нормы и критерии, которые позволяют отделить зерна от плевел и выявить фальсификацию, используя критический аппарат традиционной и современной историографии против нового мифостроительства.

Выступая активным посредником в нескончаемом диалоге настоящего с прошлым, историк одновременно вплетает собственные нити в полотно историографической традиции. Мир, в который «помещен» современный исследователь, беспрестанно и быстро меняется, изменяя условия и содержание этого диалога. Для того чтобы распутать ставшие замысловатыми местами прерывающиеся узоры, нужно найти связующее звено, которое кроется не в общих закономерностях, а в уникальности моментальной ситуации (с учетом всей совокупности обстоятельств) и в творческой индивидуальности ученого, который развенчивает мифы и преодолевает изжившие себя стереотипы исторического сознания (как обыденного, так и профессионального).

Новые направления современной историографии, усвоившие уроки постмодернистского вызова, могут доказать свою состоятельность, дав нам реальную возможность глубже понять процессы, которые определяли развитие исторического знания и исторической науки, выявить их новые измерения в более широких интеллектуальных и культурных контекстах».

Как историк я подписываюсь под каждым словом.